

- ory of expertise / Ed. K.A. Ericsson and J. Smith. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991. P. 93–125.
24. Pople H. The formation of composite hypothesis in diagnostic problem solving—An exercise in sythetic reasoning // IJCAI. 5. P. 1030–1037.
25. Rodolilz N.S., Clancey W.J. GUIDON – MANAGE: teaching the process of medical diagnosis // Medical Cognitive Science / Ed. D. Evans, V. Patel. Cambridge: Bradford Books, 1989. P. 313–348.
26. Simon H. Reason in Human Affairs. Stanford: Stanford University Press, 1983.

THEORY OF SUBCONSCIOUS DECIDING RULES AND ITS APPLICATION IN DIAGNOSTICS

O. I. Larichev

Academician of RAS, Institute of system analysis, RAS

The phenomenon of expert knowledge is analyzed; empirical data that can explain the process of recognition of “holistic” situations within the framework of the theory of subconscious decision rules are presented. On this basis, diagnostics is considered as classification task when the expert rates an object at one of the types of decisions. Imitating expert judgments, this task can be presented with some decision rules that are reconstructed almost unambiguously from the objects. The number of decision rules doesn’t exceed the short-term memory span that’s why they are used so quickly. The conclusions are made about the situational character of expert thinking and that the mechanism of objects recognition can be described using the symbolic theory. The decision rules are considered as the special symbols of subconscious character.

Key words: thinking, symbolic approach, medical diagnostics, retention of knowledge, clinical situations, expert knowledge.

ЭХО ВЗРЫВОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОСКВИЧЕЙ О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТАХ 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк)¹

© 2003 г. В. В. Нуркова*, Д. М. Бернштейн**, Э. Ф. Лофтус***

*Кандидат психологических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия

**Доктор философии, научный сотрудник Университета штата Вашингтон, США

***Почетный профессор Университета Калифорнии, Ирвайн, штат Калифорния, США

Исследованы воспоминания москвичей о взрывах жилых домов в Москве 9 и 13 сентября 1999 г. и террористической атаке на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Показано, что в формировании субъективной отчетливости и стабильности воспоминаний об исторических событиях значительную роль играет фактор визуальной кристаллизации и означивания с помощью СМИ. Подтверждена гипотеза о том, что личностная включенность в событие ведет к снижению “качества” образа памяти, вследствие чего испытуемые в большей степени склонны доверять “социально сформированным” образам памяти, чем непосредственно пережитым.

Ключевые слова: автобиографическая память, историческая память, формирование и искажение воспоминаний.

Американский ученый У. Найссер заметил: “Личные воспоминания – это способ соотнесения индивидуальной истории и Истории” [13]. Несомненно, индивидуальное бытие всегда разворачивается в конкретном историческом контексте. М. Линтон в статье “Феникс и Химера: Изменчивое лицо памяти” [9] связывает фиксацию обще-

ственных событий в индивидуальной памяти, первых, с их значимостью для частной жизни, вторых, с их ролью “маркеров” временной оси жизни и, в-третьих, с повторяющейся процедурой “восстановления” воспоминания при помощи социальных воздействий. По нашему мнению, правомерно расширить перечень функций отражения информации об исторических событиях в автобиографической памяти и полагать, что исторические

¹ Работа выполнена при грантовой поддержке фонда Фулбрайт (США).

воспоминания необходимы человеку для: 1) обеспечения культурной, социальной и исторической отнесенности личности; 2) формирования чувства принадлежности к конкретной социальной группе (“социальной солидарности” по К. Nelson [15]); 3) понимания личностью себя как части превосходящего аксиологически значимого целого (этноса, народа, государства); 4) реализации и планирования индивидуальной жизни в контексте конкретных исторических условий и событий; 5) придания исторического смысла собственному существованию; 6) передачи исторического опыта последующим поколениям; 7) переживания себя как активного творца современности [2].

Воспоминания об исторических событиях не только играют важную роль в жизни отдельной личности, но, существуя в формах коллективной исторической памяти, представляются абсолютно необходимыми для нормального функционирования социума. Внеисторичность автобиографической памяти входящих в общество индивидов обедняет живую историю нации в целом. Без понимания своей личной судьбы как вписанной в общую историю народа немислим патриотизм, да и любая деятельность, побуждаемая мотивацией “на благо Родины”. В связи с этим актуальной проблемой психологического анализа является диагностика “исторической чувствительности” автобиографической памяти субъектов, готовность фиксировать исторические факты, трактовать исторические события как неотъемлемую часть индивидуальной жизни.

Воспоминания о значительных общественных событиях, с одной стороны, легче поддаются верификации, чем факты частной жизни, а с другой — именно они становятся мишенью для трансформаций разного рода “манипуляторов от истории”. В этой связи особую значимость приобретают исследования подверженности индивидуальных воспоминаний об исторических событиях различным формирующим воздействиям со стороны социальных институтов, в первую очередь, средств массовой информации. Роль СМИ, основная функция которых, по мнению Ж.-Ф. Лиотара [1], заключается в том, чтобы “уберечь сознание людей от сомнения”, здесь невозможно переоценить. Современные СМИ обеспечивают максимальное приближение виртуальной информации к непосредственно пережитой. Чем более полимодален виртуальный опыт, тем легче он становится психологической реальностью [16]. В отличие от преимущественно вербальной формы представления информации в доиндустриальном обществе, образы, продуцируемые радио, телевидением и фотожурналистикой, не требуют декодирования и поэтому обладают способностью маркироваться как реальный опыт. “Виртуальные” воспоминания обретают недостающую им чувствен-

ную ткань за счет теле- и фотообразов. Радио и телевидение практически непрерывно сопровождают жизнь современного человека и, эксплуатируя феномен синхронии индивидуальной жизни и исторических процессов, создают смешанный виртуально-реальный опыт, фиксирующийся в исторической памяти.

СМИ принимают участие в формировании артефактов исторической памяти посредством ряда устойчивых технологий. Во-первых, это переинтерпретация когнитивных и эмоциональных аспектов спонтанно сложившихся воспоминаний. Элизабет Лофтус использовала апелляцию к авторитету старшего брата для внушения младшему ребенку заведомо ложных воспоминаний о раннем детстве. Было показано, что в отсутствие реального опыта достаточно легко сформировать целостное, дополненное мельчайшими подробностями воспоминание на основе рассказа человека, который, по мнению испытуемого, обладает более достоверной информацией, чем он сам [11]. В следующей серии экспериментов Лофтус с коллегами удалось достичь 25% уровня внушения испытуемым вымышленных событий их детства [10]. В качестве аналогичного по механизму действия исторического примера можно привести развернутое недавно в прессе обсуждение обстоятельств эвакуации советской арктической экспедиции под руководством О.Ю.Шмидта. Как известно, 13 февраля 1934 г. “Челюскин” был раздавлен льдами. Все 104 члена экипажа после героической зимовки были спасены. Новые факты, открытые в архивах, не ставили под сомнение личный героизм челюскинцев. Однако, как стало известно, за “Челюскиным” следовал другой корабль с 5000 заключенных на борту. Эти несчастные полностью повторили судьбу челюскинцев, за исключением ее счастливого финала. Таким образом, дополнительная информация о гибели заключенных дискредитировала память о легендарной зимовке, поместив ее в контекст преступлений сталинского режима. Во-вторых, воздействие на формирование воспоминаний об исторических событиях происходит за счет строгой селекции поступающей информации, замалчивания одних фактов и намеренного подчеркивания других. И, в-третьих, существенную роль играет “имплантация” готовых образов, которые субъекты некритично присваивают, ошибочно принимая за воспоминания о реально пережитом опыте. Так, в работе Уэйда, Гарри, Рида и Линдсея [19] с помощью компьютерной программы PhotoShop была произведена компиляция личных детских фотографий и контекста вымышленной ситуации (полет на воздушном шаре). Большинство испытуемых “вспомнили” обстоятельства “воздушной прогулки” и сообщали множество подробностей происшествия. Дан-

ный механизм “смещения” источников воспоминаний, впервые описанный М. Джонсон [8], представляется нам наиболее эффективным и в создании персональной истории по господствующему политическому заказу. Одним из ярких примеров закрепления однозначных причинно-следственных связей относительно неоднозначных исторических явлений стало освещение “кампании по борьбе с терроризмом” после событий 11 сентября 2001 г. Многочисленные обложки американских журналов размещают снимки разрушенных зданий и жертв рядом с портретом террориста № 1 Усамы бен Ладена. Данный прием имплицитно и эффективно подталкивает публику к аксиоматическому выводу о том, кто является единственным виновником трагедии.

Исследования воспоминаний об исторических событиях имеют достаточно богатую традицию. Многие закономерности функционирования индивидуальной автобиографической памяти были выявлены именно на материале воспоминаний об исторических событиях. Р. Браун и Дж. Кулик [4], исследовав воспоминания современников о политических убийствах, “потрясших нацию” (братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга), постулировали существование особого механизма “print now”, мгновенно фиксирующего образ памяти во всей полноте деталей. В исследовании была выявлена универсальная структура мнемического нарратива, отражающего историческое событие, которая включает следующие позиции: а) место, где человек узнал о случившемся; б) содержание события; в) последующие события; г) “интерпретатор”, т.е. сведения о человеке, сообщившем новость; д) переживания окружающих в момент сообщения и сразу после него; е) собственные переживания. Кроме того, был поставлен вопрос о взаимосвязи личностной значимости события и полноты его отражения в памяти. Чернокожие испытуемые оценивали убийство Кинга как высоко субъективно значимое и продуцировали более детальное и яркое воспоминание о событии. Авторы пришли к выводу, что именно субъективная значимость определяет образование удивительно прочного следа памяти. Однако к настоящему времени получены данные, свидетельствующие о неоднозначной связи между личностной значимостью события и качеством воспоминания о нем. Так, Райт с коллегами [20] проанализировал воспоминания мужчин и женщин о побоище, унесшем жизни 100 подростков, которое произошло на футбольном матче в городе Хилсборо. Для женщин событие оказалось более эмоциональным и личностно важным, чем для мужчин, при этом у первых были значимо низкие показатели по шкалам аккуратности, полноты и стабильности воспоминаний. Работа С. Христиансона, посвященная воспоминаниям шведов об убийстве пре-

мьер-министра Улофа Пальме, продемонстрировала зависимость оценки события от актуальной на момент исследования интерпретации произошедшего [5].

Еще одним важным фактором, предсказывающим адекватность воспоминаний, оказалась степень вовлеченности субъекта в историческое событие. М. Конвей с коллегами [6] сравнил выборки британских и американских студентов относительно их воспоминаний об отставке премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер в 1990 г. Испытуемые тестировались дважды, спустя 2 недели после события и спустя 11 месяцев. Как и предполагалось, британские студенты имели более прочные и стабильные во времени воспоминания. У. Найссер [14] провел опрос людей, пострадавших во время землетрясения возле Сан-Франциско, и тех, кто находился в это время в Атланте за тысячу миль от эпицентра, обнаружив, что очевидцы актуализируют значимо более подробные и устойчивые воспоминания. Другими словами, участники и свидетели событий продуцировали более адекватные воспоминания, чем современники, опиравшиеся в основном на созданные СМИ виртуальные референты событий.

Проблема субъективной датировки исторических событий еще недостаточно изучена. Однако есть основания предполагать, что при оценке временного фактора как на макро-, так и на микроуровне (конкретная дата или время протекания события) воспоминания могут быть подвержены изменениям, универсальным для всех содержаний автобиографической памяти. Так, ошибочная датировка событий может быть результатом “циклического календарного эффекта” [17, 18], а переоценка длительности события – следствием повышенной насыщенности по сравнению с будничным течением времени [7].

Таким образом, мы можем подытожить выявленные на сегодняшний день основные закономерности в работе исторической составляющей автобиографической памяти человека:

1. Дополнительная информация, представленная как в вербальной, так и в визуальной форме, значимо искажает исходный материал воспоминания.
2. Уровень субъективной значимости мнемического содержания неоднозначно определяет аккуратность, полноту и стабильность воспоминания.

Основная задача проведенного нами эмпирического исследования заключалась в изучении особенностей автобиографических воспоминаний об аналогичных исторических событиях в зависимости от оценки их личностной и исторической значимости и способов освещения в средствах мас-

совой информации (процедур “социального восстановления”).

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

1. При конкуренции личностного смысла события и исторической значимости, приписываемой ему СМИ, именно последняя будет определять высокую доступность и полноту воспоминания.

2. Продолжительность протекания исторических событий в связи с высокой насыщенностью и напряженностью, будет переоцениваться испытуемыми.

3. Испытуемые в большей степени доверяют “готовым” образам, почерпнутым из СМИ, чем реальному опыту.

МЕТОДИКА

В исследовании принял участие 91 испытуемый (67 женщин и 24 мужчины), студенты старших курсов московских вузов в возрасте от 19 до 24 лет (ср. = 21.2).

Предметом нашего исследования стали воспоминания москвичей о взрывах жилых домов в Москве 9 и 13 сентября 1999 г. и террористической атаке на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Выбор данных событий был продиктован тем, что, по нашему мнению, при структурной схожести эти два события различаются по степени личностной включенности респондентов и качеству освещения в СМИ. Таран террористами-смертниками башен ВТЦ происходил буквально в прямом телеэфире, впоследствии хроника события многократно повторялась, в Интернете появилось огромное количество разнообразных тематических сайтов, спустя полгода после террористического акта был открыт памятник “Жертвы света” и т.д. Взрывы жилых домов в Москве не получили достаточно организованного информационного освещения. Спустя 2.5 года нам удалось найти в сети Интернет только 2 (!) фотографии с мест событий.

Опрос проводился в форме заполнения анкеты. Испытуемым был задан вопрос: когда вы слышите словосочетание “трагические события сентября”, какое событие вспоминается вам в первую очередь? Далее испытуемые оценивали характеристики воспоминания, используя 5-балльную шкалу. Вопросы касались детальности, ясности, целостности и точности мнемического образа; источника информации; временных параметров события; эмоций, пережитых в момент получения информации о событии и испытываемых в настоящее время при отсроченном воспроизведении; оценки исторической и личностной значимости события и т.д. Затем процедура повторялась с измененным вводным вопросом: какое другое событие вы вспоминаете, когда слышите словосочетание “трагические события сентября”?

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В результате исследования были получены 140 отчетов об интересующих нас событиях.

Парадоксально, но только 5 испытуемых (5.4%) вспомнили о московских взрывах в первую очередь. Еще 11 (12.1%) в качестве наиболее доступного события вспомнили о катастрофе подводной лодки “Курск”, которая в действительности произошла 12.08.2000. Видимо, в данном случае мы наблюдаем “циклический календарный

эффект”, который заключается в том, что событие датируется верным месяцем, днем недели или сезоном, но точная дата указывается ошибочно. Подавляющее большинство испытуемых (75 чел. – 82.4%) актуализировали воспоминание о террористической атаке на ВТЦ.

Одно из традиционных объяснений полученных данных могло бы заключаться в “эффекте недавности”. Для того чтобы исключить подобную интерпретацию, нами был введен контрольный вопрос: когда вы слышите слово “землетрясение”, какое именно приходит вам в голову в первую очередь? Большинство респондентов (52 чел., или 57%) назвали землетрясение в Армении 1989 г., 4 чел. (4.4%) – землетрясение в Ашхабаде 1949 г., в то время как лишь 17 чел. (18.7%) вспомнили недавние землетрясения (Турция, Япония, Индия, Сан-Франциско, Сахалин), еще для 6 чел. (6.6%) наиболее доступной оказалась информация о событиях далекого прошлого – землетрясениях в Лиссабоне и Помпеях. Остальные испытуемые не смогли ответить на вопрос. Полученные факты свидетельствуют о том, что в отсутствие социально санкционированных процедур по “восстановлению” исторической информации наблюдается тенденция к первоочередному воспроизведению личностно релевантных, а не недавних по времени событий.

При повторении инструкции 45 испытуемых (49.5%) вспомнили о взрывах в Москве и 15 (16.5%) – в Нью-Йорке.

Большинство испытуемых узнали об обоих событиях из выпусков телевизионных новостей (73%), от друзей и знакомых – 17%. 7 чел. (7.7%) лично находились в непосредственной близости от места московских взрывов, и первые впечатления были пережиты ими до получения информации из СМИ. Интересно, что даже среди этих свидетелей трагических событий только одна испытуемая вспомнила о московских взрывах в первую очередь. Таким образом, именно телеинформация о событиях легла в основу конструируемого образа памяти для 90% опрошенных.

Критическую роль телевидения и Интернета в формировании образа воспоминания ярко иллюстрируют данные, полученные относительно атрибуции событий тому или иному времени суток. Разница часовых поясов между Москвой и Нью-Йорком (8 часов) привела к тому, что 37% испытуемых сообщили, что, по их мнению, террористический акт в Нью-Йорке произошел днем. Таким образом, мы имеем дело с психологическим “смешением” актуального, переживаемого времени (около 5 часов после полудня в Москве) и “знаемого” времени события (8.45 и 9.03 утра по Нью-йоркскому времени). В результате память

Различия между характеристиками воспоминаний о взрывах в Москве и Нью-Йорке

Переменная	Москва		Нью-Йорк		t-test (2-tailed)	p
	Сред.	Ст. откл.	Сред.	Ст. откл.		
Историческая значимость	2.34	0.94	4.11	0.8	11.7	0.000
Личностная значимость	2.9	1.07	1.83	0.9	6.5	0.000
Тема разговоров	41.6	32.17	20.63	25.53	4.1	0.000
Эмоции 1	4.28	0.7	3.7	1.18	3.2	0.002
Эмоции 2	3.08	1.06	2.48	1.11	3.01	0.003
“Как долго сохранится память”	3.08	1.26	3.85	1.08	3.77	0.000
Детальность образа	1.26	1.06	2.14	0.9	5.1	0.000
Доверие воспоминанию	2.88	1.13	3.47	0.99	3.1	0.002

испытуемых сохранила некоторое “среднее” время события. Ярким примером подобного смешения служит протокол одного из испытуемых: “Около 5 часов вечера в один из небоскребов-близнецов врезается пассажирский самолет, здание начинает гореть, через несколько минут в соседний небоскреб врезается 2-й самолет. Люди выпрыгивают из зданий, бегут. Пыль над всем Нью-Йорком. Меньше чем через час оба здания рушатся. Где-то в это же время в Пентагон врезается еще один самолет”. Выше данный феномен был описан нами как эффект синхронии исторического и индивидуального времени. Гораздо менее объясним тот факт, что москвичи в 12% случаев грубо ошибались относительно взрывов в Москве (полночь и 5.05 утра). Согласно их отчетам, взрывы происходили утром или днем. Оговоримся, что, по нашему мнению, 5 часов утра оценивается скорее как ночное, чем как утреннее время. Утро – это, скорее, время выхода в эфир телевизионных новостей, откуда люди узнали о случившемся.

Испытуемые допускают существенные ошибки при оценке интервала между первым и вторым взрывами. Ошибка носит регулярный характер и в том случае, когда интервал измеряется в минутах (Нью-Йорк), и в том, когда он составляет дни (Москва). В обоих случаях они переоценивают временную дистанцию. Описывая московские взрывы, испытуемые считают, что в среднем период между двумя взрывами составил 126.7 часа (минимум 24 часа, максимум 360 часов, ст. откл. 73.4 часа). На самом деле две трагедии разделяет временной отрезок в 101 час. В случае ВТЦ испытуемые оценивают период между таранами Северной и Южной башен комплекса в 30.14 минут (минимум 1 мин, максимум 120 мин, ст. откл. 31.2 мин). В действительности промежуток между двумя таранами террористов-самоубийц исчислялся 18 минутами. Таким образом, переоценка составила 25.5% для взрывов в Москве и 67.4% –

для атаки на ВТЦ. Следовательно, в соответствии с нашей гипотезой тенденция к переоценке времени наблюдается как для высоко личностно значимых, но не подвергшихся социальному “оформлению” событий, так и для более личностно нейтральных, но социально “оформленных”. Можно было бы предположить, что постоянно повторяющаяся демонстрация в телевизионных программах сокращенного сюжета об атаке на ВТЦ субъективно “сожмет” время события, однако даже при таких условиях оно выглядит непропорционально “растянутым”.

В таблице отражены основные отличия между воспоминаниями о взрывах в Москве и Нью-Йорке.

Полученные результаты находятся в соответствии с нашим предположением о том, что испытуемые будут оценивать историческую важность атаки на ВТЦ значимо выше московских взрывов. Вместе с тем личностная значимость взрывов в Москве оценивается выше, чем ВТЦ. Для четырех человек (4.4%) взрывы в Москве стали “событиями, которые кардинально изменили их жизнь”. Однако даже в этом случае более доступными для воспроизведения оказались воспоминания об атаке на ВТЦ. Индикаторами глубины личной включенности в историческое событие служили ответы на ряд косвенных вопросов: как долго произошедшее было основной темой ваших каждодневных разговоров; насколько сильные эмоции вы испытывали сразу после того, как узнали о случившемся (эмоции 1); насколько сильные эмоции возникают у вас, когда вы СЕЙЧАС думаете о произошедшем событии (эмоции 2)? Эмоциональный “накал” переживания взрывов в Москве значимо превосходил пережитое относительно событий в Нью-Йорке. Согласно литературным данным, ретроспективные эмоции имеют тенденцию к нормализации [9], однако до настоящего времени сохраняется преобладание эмоциональной насыщенности воспоминания о

московских взрывах над атакой на ВТЦ. Таким образом, испытуемые, безусловно, переживают взрывы в Москве как личное событие. В то же время ассимиляция суждения СМИ об общемировом значении террористической атаки в Нью-Йорке приводит испытуемых к убеждению, что именно эти события надолго останутся в памяти людей.

Подтверждается и гипотеза о субъективной компетентности относительно социально организованных воспоминаний об исторических событиях, которые интерпретируются как исторически общезначимые. В то же время личностная включенность в событие не может гарантировать высокого «качества» воспоминания, в чем отдают себе отчет и сами испытуемые. Они уверены, что хорошо помнят общие обстоятельства и детали атаки на ВТЦ. В рассказах о взрывах в Москве часто наблюдается низкая оценка ясности и точности воспоминания. Например, «Ужасный грохот – все стерлось из памяти», «Развалины домов, плачущие люди, всюду пожарные, помню очень плохо», «Террористы взорвали два дома. Рассказать могу, а образа – нет», «Помню только, что взрывом был уничтожен дом, в котором спали ни в чем не повинные люди, такие же, как я» (выделено нами. – В.Н., Д.Б., Э.Л.). Предсказания испытуемых относительно их воспоминаний вполне оправдываются. Обнаружены корреляции (коэффициент Пирсона, $p < 0.005$) между степенью доверия к точности собственных воспоминаний и подробностью продуцируемого рассказа (коэф. корр. 0.6), прогнозируемой продолжительностью сохранения памяти о событии (коэф. корр. 0.55) и оценкой исторической значимости события (коэф. корр. 0.37). Воспоминания об атаке на ВТЦ отличаются большей полнотой рассказа, обилием деталей, качественными характеристиками образа. Основные различия между воспоминаниями о взрывах жилых домов в Москве и террористической атаке на ВТЦ в наглядной форме представлены на рисунке.

Хотя в целом испытуемые признают, что обладают ярким образом события (84%), образ атаки на ВТЦ лучше «оформлен» (82% воспоминаний об этом событии включают в себя целостный яркий образ). Различается и структура актуализируемого воспоминания. Основные семантические различия в процессе воспоминания открываются при рассмотрении индивидуальных отчетов испытуемых. Рассказывая о московском случае, испытуемые склонны занимать ассоциированную позицию по отношению к происшедшему, как бы снова переживать событие «изнутри». Они описывают свои действия и чувства (например, «Я спала, когда ночь разорвал взрыв. Сначала я подумала, или это мне снится, или у меня сейчас голова лопнет от грохота. Я вскочила и побежала

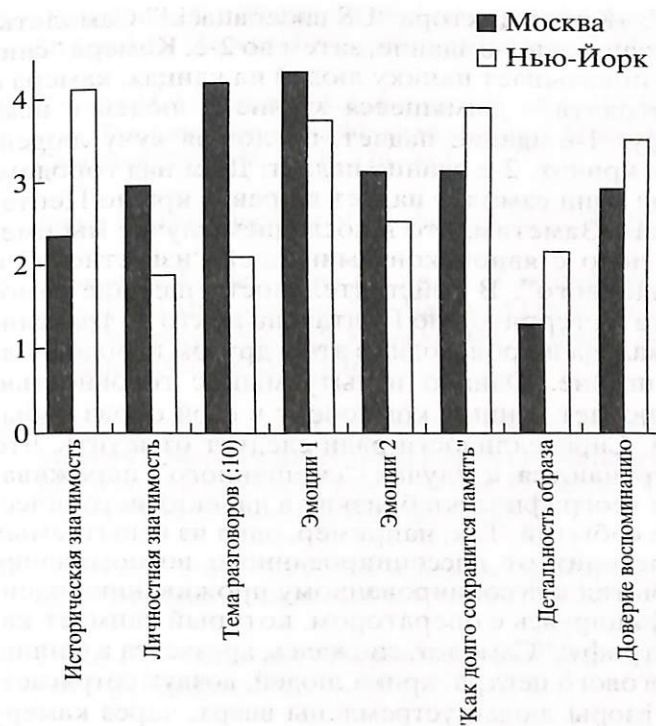

Рисунок. Различие характеристик воспоминаний о террористических актах в Москве (1999 г.) и Нью-Йорке (2001 г.).

на балкон. Там было тихо, но через мгновение завыли автомобильные системы сигнализации. И тут же поднялась пыль. Я подумала, что кто-то взорвал машину. Потом родители принесли бинокль, и мы увидели, что дома на другой стороне просто нет»; «взрыв на Каширке рядом с домом слышали сами, поняли, что взрыв, ждали в 6 утра новостей. Телефоны не работали, никому нельзя было позвонить»; «Страшный грохот среди ночи, очень испугались»).

В противоположность этому отчет об атаке на ВТЦ представляет собой реализацию позиции наблюдателя. Испытуемые рассказывают о том, что они видели и узнавали, а не о том, что пережили. Типичный рассказ о террористической атаке на ВТЦ передает подробный образ, буквально «считываемый» с воображаемого телеэкрана, ситуацию получения информации и информацию, прямо не содержащуюся в образе памяти: «Я захожу вечером в квартиру, а мне говорят «Иди, смотри скорей». Вижу на экране снова и снова в замедленном темпе самолет врывается в здание, внезапно вырастающее пламя, а потом здания медленно рушатся»; «Помню сам процесс разрушения небоскрегов, лица людей, помню, как показывают летящий самолет с различных сторон, врывается, пожар, вырываются клубы дыма, потом здание начинает медленно разрушаться, перекрытая улица, испуганные люди, как в филь-

ме»; «Крики диктора "US under attack!" Самолеты врезаются в 1-е здание, затем во 2-е. Камера "снизу" показывает панику людей на улицах, камера с вертолета — дымящееся здание и людей в нем. Вдруг 1-е здание падает, поглощая кучу людей. Все кричат. 2-е здание падает. Дым над городом. Еще один самолет падает в правое крыло Пентагона». Заметим, что в последнем случае мы имеем дело с явной контаминацией "известного" и "виденного". В действительности падение самолета на территорию Пентагона никто не транслировал, да и происходило это в другом городе — Вашингтоне. Однако испытуемый с готовностью включает данный компонент в свой образ события. Справедливости ради следует отметить, что встречаются и случаи "смешанного" переживания географически близких и далеких исторических событий. Так, например, одна из испытуемых переходит от диссоциированного воспоминания события к ассоциированному проживанию, идентифицируясь с оператором, который снимает катастрофу: "Самолет, снижаясь, врезается в башню торгового центра, крики людей, воздух сотрясается, взоры людей устремлены вверх, через камеру оператора я ощущала тряску, дыхание остановилось...". В воспоминание о московских взрывах тоже порой привносится позиция стороннего наблюдателя: "Сначала часов в 5 утра был взорван одноподъездный дом, в его подвал заложили взрывчатку. У соседних домов вылетели стекла. Через неделю был взорван средний подъезд во 2-м многоподъездном доме. Нашли следы того же взрывчатого вещества. Запомнилась картинка — обломки домов, части мебели, спасатели, слезы" или "Ночь, частично освещенный разрушенный дом: одна половина стоит, другая развалилась, плачущие люди, спасатели ведут работы".

Содержание эмоций, которые вызвало у испытуемых известие о событиях, качественно различается. Вспоминая о взрывах жилых домов в Москве, испытуемые говорили, что пережили чувства страха (46%), ужаса (28%), шока (14%) и гнева (12%). Данный спектр переживаний может быть охарактеризован как маркер психологической включенности в ситуацию. В случае ВТЦ наиболее распространенной реакцией на случившееся было "Не поверил в реальность случившегося" (29%), затем следовали печаль (27%) и удивление (21%). По нашему мнению, данный тип переживаний относится к категории "психологически дистантных". Ужас перед реальной угрозой оказаться на месте жертв трагедии уступает сочувственному созерцанию события, которое происходит в другой части света.

Интересным психологическим феноменом представляется оценка испытуемыми вероятности повторения подобных событий в будущем. Она практически не различается для обоих событий

(52% для атаки на ВТЦ и 56% для взрывов в Москве). Можно предположить, что неуверенность в безопасности, свойственная москвичам, с одной стороны, генерализуется на американскую ситуацию, а с другой, удерживается на уровне "50 на 50", что позволяет сохранить минимальный психологический комфорт.

ВЫВОДЫ

Сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) показал, что

— В формировании субъективной отчетливости и стабильности воспоминаний об исторических событиях значительную роль играет фактор визуальной кристаллизации и означивания с помощью средств массовой информации. Полученные нами данные согласуются с предложенной М. Линтон концепцией удержания воспоминания об историческом событии посредством многократного социально санкционированного "восстановления". В исследованном нами случае образ катастрофы в Нью-Йорке был объективирован в тщательно структурированных и компактных телевизионных репортажах, что и определило преимущество при воспроизведении данного события.

— Значительное влияние на характеристики воспоминаний о террористических актах в Москве и Нью-Йорке оказала дополнительная информация, которая маркировала американские события как события исключительной исторической значимости.

— Испытуемые склонны переоценивать продолжительность протекания исторических событий. Данный феномен совпадает с положением, высказанным еще В. Джемсом в 1890 г. в главе "Восприятие времени": "В целом, время, наполненное разнообразными и интересными событиями, проходит быстрее, но кажется долгим, когда мы вспоминаем о нем. С другой стороны, незаполненное событиями время тянется долго, но оказывается коротким в ретроспекции" [7, с. 624].

— Личностная вовлеченность в событие ведет к снижению "качества" образа памяти. Воспоминания о трагических исторических событиях, которые оцениваются испытуемыми как высоколично значимые, предстают в виде хаотических, неорганизованных фрагментов непосредственного опыта. Данные результаты расходятся с выводами ряда западных авторов, обнаруживших прямую зависимость между значимостью и адекватностью воспоминания. Вероятно, одна из причин противоречия заключается в том, что в использованной нами методике личностная и историческая значимость событий были разведены, в

то время как в описанных выше исследованиях эти факторы не были дифференцированы. Нельзя также недооценивать деструктивную роль стресса, снижающего способность к запечатлению информации [12]. Безусловно, идентификационный потенциал событий в Москве для москвичей существенно выше (“это могло случиться со мной или с моими близкими”), поэтому данный опыт стал более стрессогенным.

– Высоко личностно значимые исторические события переживаются “изнутри”, в связи с чем у испытуемых не складывается целостное видение произошедшего. В воспоминании преобладает не перцептивный образ ситуации, а описание индивидуальных переживаний, “Я” выступает в качестве психологического подлежащего рассказа.

– Личностно дистантные исторические события переживаются с позиции наблюдателя, что позволяет, с одной стороны, некритично ассимилировать предлагаемую извне (СМИ) картину события, а с другой, сохранить и воспроизвести все богатство деталей образа. Вспоминающий субъект центрирован на исторической значимости ситуации, а не на собственных переживаниях в момент свершения события.

– Испытуемые в большей степени склонны доверять “социально сформированным” образам памяти, чем непосредственно пережитым.

– Социальное воздействие (способ презентации события СМИ) меняет естественный порядок отражения хода события в памяти. Если в свободной от социального воздействия (перцептивного и когнитивного принуждения) ситуации люди склонны лучше воспроизводить релевантный индивидуальный опыт, то под влиянием СМИ наиболее запечатленными оказываются события, которые расцениваются как общезначимые.

– В результате альтербиографическая память становится более “качественной”, чем автобиографическая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
2. Нуркова В.В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Воображаемое прошлое Америки (История как культурный конструкт). Сборник работ. М., 2001. С. 20–34.
3. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
4. Brown R., Kulik J. Flashbulb memories // *Cognition*. 1997. V. 5. P. 73–99.
5. Christianson S.A. Flashbulb Memories: Special, but Not So Special // *Memory & Cognition*. 1989 (Jul). V. 17 (4).
6. Conway M.A., Anderson S.J., Larsen S.F., Donnelly C.M. et al. The formation of flashbulb memories // *Memory & Cognition*. 1994. V. 22. P. 326–343.
7. James W. The principles of psychology. N.Y., 1890.
8. Johnson M.K. Identifying the origin of mental experience // *The Mythomaniacs: The Nature of Deception and Self-Deception* / Ed. M.S. Myslobodsky, Mahwah, N.J.: Erlbaum, 1997. P. 133–180.
9. Linton M. Phoenix and Chimera: The Changing Face of Memory // *Memory and History: Essays on recalling and Interpreting Experience* / Eds. J. Jeffrey, G. Edwall. University Press of America, 1994. P. 69–89.
10. Loftus E.F., Pickrell J.E. The formation of false memories // *Psychiatric Annals*. 1995. V. 25. P. 720–725.
11. Loftus E.F. The reality of repressed memories // *American Psychologist*. 1993. V. 48. P. 518–537.
12. Loftus E.F. Eyewitness testimony. Harvard University Press, 1979.
13. Neisser U. Snapshots or benchmarks? // *Memory observed*. San Francisco, 1982.
14. Neisser U., Winograd E., Bergman E.T., Schreiber C.A. et al. Remembering the earthquake: Direct experience vs. hearing the news // *Memory*. 1996. V. 4. P. 337–357.
15. Nelson K. The psychological and social origins of autobiographical memory // *Psychological Science*. 1994. № 4. P. 7–14.
16. Rajaram S. Remembering and knowing: Two means of access to the personal past // *Memory & Cognition*. 1993. V. 21. P. 89–102.
17. Schacter D.L. Searching for memory. The brain, the mind, and the past. N.Y., 1996.
18. Thompson C.P., Skowronsky J.J., Larsen S.F., Betz A.L. Autobiographical Memory: Remembering what and remembering when. N.J., 1996.
19. Wade K.A., Garry M., Read J.D., Lindsay D.S. A picture is worth a thousand lies: Using false photographs to create false childhood memories // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2003.
20. Wright D.B., Gaskell G.D., O’Muircheartaigh C.A. Flashbulb memory assumptions: Using national surveys to explore cognitive phenomena // *British Journal of Psychology*. 1998. V. 89. P. 103–121.

ECHO OF EXPLOSIONS: COMPARATIVE ANALYSIS OF RECOLLECTIONS ABOUT THE TERRORISTS ATTACKS AT 1999 (MOSCOW) AND 2001 (NEW-YORK CITY)

V. V. Nourkova*, D. M. Bernstein**, E. F. Loftus***

**Cand. sci. (psychology), assistant professor, MSU, Russia*

***Dr. sci. (psychology), res. ass., University of Washington, USA*

****Honoured professor, University of California, Irvine, USA*

One hundred forty recollections of Moscovites about the terrorists attacks at 1999 (Moscow) and 2001 (New-York City) were examined in the empirical study. The data obtained indicated that distinctiveness and stability of the recollections of historical events are related considerably to the factor of visual "crystallization" and significations by means of mass media. Reference of a historical event to a personally important area caused the decrease of the image quality. The subjects were more likely to rely upon the images artificially created by mass media than upon the naturally experienced ones.

Key words: autobiographical memory, historical memory, formation and transformation of recollections.